

Глава 57. Пагода Яньхуэй. Начало

Вплоть до возвращения в резиденцию Чэн Шаошан не сказала ни единого слова, прислонившись к стенке экипажа в глубокой задумчивости.

Чэн Ян забеспокоилась и спросила:

-За главными столами была какая-то княжна, которая оскорбила тебя? - сегодня она встретила нескольких барышень, с которыми сошлась во вкусах, и, скорее всего, они могли бы стать близкими подругами, выбрав укромный уголок, они болтали, совсем не обращая внимания на посторонних.

Шаошан усмехнулась:

-Взяла храбрость взаимы?

Госпожа Сяо также заметила, что ее дочь была в плохом настроении, и спросила:

-Кто-то из старших семьи Лоу смотрел на тебя недовольно? - старшая госпожа Лоу, очевидно, была обработана своим мужем, и сегодня все женщины в их семье больше не говорили плохого и не вели себя так, как раньше; но в такой большой семье неизбежно найдутся отдельные остряки.

Шаошан с гордостью сказала:

-Кто посмеет? Я заставлю А-Яо всю дальнейшую жизнь не признавать этого старшего!

Расспросы не дали результатов, госпоже Сяо пришлось отпустить дочь в ее комнаты. За вечерней трапезой она вновь увидела ее еще более вялой, не съевшей даже нескольких кусков и с поникшей головой вернувшейся к себе. В тот вечер в резиденции Чэн вдруг раздался яркий звук флейты, нежный и низкий, как плач. В мелодии не было печали, но было какое-то смятение и отчаяние от невозможности повернуть назад.

Госпожа Сяо была не в состоянии заснуть, раскрыв глаза, она прислушивалась битый час, вдруг подумала, что нужно встать, и уже хотела, откинув полог, выйти, когда муж неожиданно схватил ее сзади.

Чэн Ши с закрытыми глазами сказал:

-Я советую тебе остаться.

Госпожа Сяо нахмурилась и сказала:

-Сегодня, уже выйдя из резиденции Лоу, я ощутила, что что-то не так. Это не годится, мне следует пойти и расспросить ее, ведь оставлять все так - недопустимо.

Чэн Ши даже веки не поднял и не повернулся:

-Ты задашь ей вопрос, но что Няоняо будет способна ответить?

Госпожа Сяо задохнулась, сказала:

-Тогда я спрошу служанку из ее окружения.

-Не следует идти. Ты же знаешь ясность мысли Няоняо, как только ты проявишь интерес, она сразу же все поймет. Ты полагаешь, она обрадуется, когда узнает, что ты расспрашиваешь людей в ее окружении? - Чэн Ши изменил позу для сна и сказал: - Вы, мать и дочь, наконец-то немного успокоились в последнее время, поэтому, пожалуйста, не создавай больше проблем.

-Тебя не беспокоит, что у нее на уме?

-Исключая еще бестолковых малышей, только дуракам не о чем беспокоиться. Няоняо собирается выйти замуж, неужели нет на востоке обиды, а на западе печали?

-Проливая слезы о смене сезонов, не печалится восток и не скорбит запад.

-Очень хорошо, только не вреди? Не нужно никому вредить, и все пройдет нормально. Батюшка ушел слишком рано. Как давно Няоняо научилась так талантливо играть на флейте? В душах людей, слушающих ее, могут быть и печаль и слезы на глазах. Если бы отец был в живых, то ничего не мешало бы оставить Няоняо в столице. Может быть, можно научить ее, и когда-нибудь она стала бы знаменитой на весь мир!

Госпожа Сяо промолчала и через мгновение спросила:

-Неужели, слыша, как она играет, ты еще способен спать?

-Почему я не могу спать? Когда мой отец был несчастен в прошлом, он любил играть какую-нибудь грустную и горькую мелодию среди ночи. Иногда он играл на сяо, иногда на цине, а иногда на барабанах и тарелках. Разве мои младшие братья и сестры не спали крепко? Ладно, тебе тоже надо прилечь.

Госпожа Сяо очень долго в оцепенении сидела на кровати, размышляя: уже покинувшему этот мир свекру действительно было нелегко в жизни.

К счастью, Шаошан ранее круглый год жила с другими людьми и знала правила: прежде чем "собаки" пришли бы покусать ее в спальне общежития, лучше исполнить одну мелодию, погасить свет и пойти спать. Когда она проснулась на следующий день, то была в приподнятом настроении и не было заметно никаких проявлений того, что что-то тяготит ее душу.

Лоу Яо желал приходить к ней каждый день, но каким бы добродушным не был императорский

конюший Лоу, он больше не мог это терпеть. Он забрал своего племянника и закрыл его в учебной комнате, чтобы тот учился. Ему разрешили приходить в резиденцию Чэн только каждые пять или шесть дней – разве ты уже не зять этой семьи? Ты должен иметь чувство приличия! Так заискивать перед семьей своей жены, как будто у старших в семье никогда в жизни не было невест! Это очень смущало семью Лоу. Люди, ожидавшие у северных ворот императорского дворца, чтобы их рекомендовали в качестве чиновников, и то были более сдержанными, чем его племянник!

После того Шаошан обнаружила удивительное – с тех самых пор, как ничего нельзя было поделать и Лоу Яо не приходил ежедневно, у всех старших братьев характер стал более покладистым, а выражение лиц более дружелюбным.

-Вам не нравится Лоу Яо? – Шаошан, сто раз подумав над этим, все равно ничего не поняла и тайком спросила у старшего брата-близнеца.

Чэн Шаогун сказал:

-Нам он не то, чтобы не нравится, мы не одобряем тебя. Всегда, как только я его вижу, он смеется, как будто украл и сгрыз куриную ножку у соседей, подобно Эрвану. – Эрван – желтый пес.

Результатом этого разговора было то, что Шаошан вдруг пришла в ярость и опрокинула на голову Чэн Шаогуну целую коробку с шахматами, к тому же она никогда больше не хотела, чтобы старшие братья сопровождали ее в прогулках по городу.

Но как только госпожа Сяо в присутствии сыновей похвалила Шаошан несколькими словами, Чэн Шаогун, вспомнив о ране на лбу, начал возводить на нее поклеп:

-Матушка, боюсь что дела по дому будут откладываться Няоняо, последние несколько дней она уходит из дома и не просит нас составить ей компанию! – раньше младшую сестру сопровождали братья, когда она выходила на улицу!

Неожиданно госпожа Сяо совсем не рассердилась и неторопливо сказала:

-Няоняо окружена служанками и слугами, что может случиться? Я не могу взять для этого еще одного зятя.

Чэн Сун переглянулся с Чэн Юном, а потом они быстро склонили головы, ничего не говоря – поскольку братья уже второй раз видели, как Юань Шэнь провожает их младшую сестру домой, они не расставались до самого переулочка около резиденции.

После братья тайно расспросили Шаошан об увиденном, но у Шаошан было простодушное и открытое выражение лица:

-Мы сталкивались раза два, и третьего раза не дано, и говорили только о младшем дяде и младшей тетушке.

Юань Шэнь – это Юань Шэнь, его модель поведения совершенно не изменилась, он заставил своих людей неотступно наблюдать за входом в резиденцию Чэн, и те были счастливы, увидев маленький легкий красно-золотой экипаж выезжавшей на улицу Чэн Шаошан. Слуга следовал за экипажем весь путь, а позже, возвратившись домой, докладывал молодому господину, за что и был вознагражден, а эта достойная пара встретилась, чтобы радовать друг другу глаз и сердце. Хотя было бы неплохо, если бы места, где встречались эти двое, не были такими странными.

Первый раз он увидел девушку в кузнечной мастерской за городом, столкнувшись около раскаленных докрасна и пылающих жаром кузнечных печей, эта достойная пара иссушила свои щеки сухим огнем, волосы их закрутились в завитки, и они оба стали похожи на старика и старуху, добывающих уголь, так они были черны.

В следующий раз, когда они встретились, они были на мельнице недалеко от города, в воздухе носились шелуха и мучная пыль, и у этой достойной пары, попавшей под разносившуюся в воздухе пыль, лица, вдруг стали желтоватыми, оставалось лишь сменить одежду, и они могли бы сразу идти и управлять этой мельницей.

-Разве ты не можешь пойти в книжную лавку, лавку ювелирных изделий или куда-нибудь еще? Цветочная лавка или лавка, продающая косметику тоже подойдет, – сказал в сердцах на обратном пути в резиденцию Юань Шэнь, сопровождавший ее экипаж, не в силах смолчать.

-Я просила тебя прийти? – Шаошан совершенно не испытывала симпатии к этому идиоту, который прервал проводившиеся ею исследования, – если у тебя есть что сказать – просто скажи! Что ты сказал в прошлый раз? О, ты сказал, что наставник Хуанфу устроился в горах, и что? Ты хочешь, чтобы я доставила еще раз письмо. Я не буду это делать!

-Ты не услышала ни единого слова из того, что я говорил!

Шаошан закатила глаза и сказала:

-Конечно, поскольку ты не пробыл у печи даже нескольких минут и сбежал, – во время этой встречи, включая любезности возле мастерской, они не обменялись и десятью словами, а молодой господин Юань так сильно кашлял из-за черного дыма от печи, что почти выкашлял легкие.

Юань Шэнь был подавлен, он еще никогда не был в кузнечной мастерской, хорошо, но ведь в ней люди могли просто изжариться, и не было возможности нормально дышать.

-Я не прошу тебя передавать сообщение. Наставнику просто нужно знать, что с госпожой Сан все в порядке. Вдруг он может чем-то помочь? С госпожой Сан и твоим младшим дядей Чэном говорить неудобно, а ты можешь тихо сказать мне, наставник Хуанфу может помочь и помогать

неоднократно... почему ты так на меня смотришь?.. Я не имею в виду ничего другого, просто хочу, чтобы наставник чувствовал себя лучше.

Шаошан улыбнулась и сказала:

-Ну, это еще куда ни шло, то, что тетушка сделала для семьи Хуанфу в прошлом, совсем не ничтожно, если наставник уже способен это понять - хорошо, потому я вместо своей тети приму это, - от этого могла быть настолько реальная польза, что стоило откликнуться.

-Есть еще... - Юань Шэнь выглядел мрачным: - Я также вскоре начну заниматься вопросами брака.

Шаошан громко рассмеялась:

-Это серьезное дело. Старшие говорят, что чем дольше ты выбираешь, тем меньше хорошего остается. Лучше побыстрее разобраться с этим. Мы с А-Яо придем поздравить тебя!

Юань Шэнь злился в глубине души, и его нефритовые щеки слегка покраснели. Он с горечью сказал:

-Ни один острый нож не может быть таким же, как твой язык, люди пришли сватать тебя, а ты сразу согласилась, зная бы заранее, зная бы заранее... - говоря это, он зажал живот лошади ногами, повернул лошадь, вскинув голову, и быстро поскакал прочь, оставив после себя стук конских копыт в переулке.

Шаошан потрогала свой нос, сделав вид, что не понимает, что он имеет в виду, и, счастливая, вернулась домой.

Несколько дней спустя, в самую яркую весеннюю пору года, ученый-конфуцианец из Гоцзыцзяня внезапно преподнес императору несколько ветхих листов, на которых было начертано пророчество, которое можно было прочитать так: «На востоке творится зло, и тот, кто отзовется, станет самым могущественным».

Император придал этому большое значение и немедленно вызвал нескольких приближенных министров для обсуждения этого вопроса, они пришли к выводу, что иероглиф «□», обозначающий зло или демонов, относится к вершине горы - должно быть это гора Тугаошань к востоку от столицы, на ней необходимо принести в жертву живых существ, пойманных там же.

Первоначально император должен был отправиться на охоту лично, но император был добр и сказал, что весной, когда все размножается, не следует проводить чрезмерный забой, поэтому вместо этого он предложил в качестве жертвоприношения принести различные зерна или еду горным духам. Ученые-конфуцианцы, естественно, собрались вместе, чтобы петь дифирамбы, прославляя императора за то, что он мудр и добр, за то, что он свят и так далее и тому подобное.

Таким образом, император, взяв жену и наложниц с сыновьями, вместе с императорской семьей, и кучей официальных лиц в придачу отправился совершать жертвоприношение на гору Тугаошань – отца Чэн также выбрали. Хотя на этот раз это было жертвоприношение, но, по мнению Шаошан, это было больше похоже на крупномасштабную весеннюю прогулку и пикник, потому что выбранные чиновники также могли взять с собой свои семьи.

Членов семьи Чэн было немного, за исключением не поехавших матушки Чэн и малыша Чэн Чжу, в поездку отправились супруги, добавим к ним трех старших братьев с Чэн Ян и Шаошан. Встретившись у городских ворот с кортежем семьи Вань и слившись воедино с ним, они проехали большую часть дня и наконец прибыли к Тугаошань.

Они прибыли не слишком поздно, но в это время у подножия горы было уже полно людей и лошадей. Если смотреть издали, то самым привлекательным шатром был шатер с ярко-золотым верхом и черной отделкой в центре, а разные частные шатры были разбросаны по сторонам от него, простираясь на несколько ли вокруг.

Например, около десяти шатров семьи начальника стражи наследника престола были сделаны из парчи цвета индиго, с клановым знаком, инкрустированным светлой слоновой костью – элегантно и сдержанно; другой пример – главнокомандующий У несерьезно подошел к деталям, и просто поставил вместе кучу разномастных пестрых шатров; или еще пример – генерал Хань, любивший выставлять напоказ свою утонченность, использовал для десяти шатров своей семьи зеленый бамбук и зеленые ткани, издали они выглядели как бирюза, и это очень освежало.

Еще имелись и те, кому, как хоу Сюаню, младшему брату императрицы, нравилось эпатировать окружающих, вопреки ожиданиям он соорудил палатки из рисовой соломы, похожие на бедные лачуги, но, подойдя ближе и присмотревшись, можно было бы увидеть, что они покрыты связками золота, шелками и серебряной тафтой, что привлекло внимание множества людей, вызвав у некоторых зависть, у некоторых смешки, а у императрицы – гнев и осуждение, и хоу Сюань всю ночь был вынужден разбирать палатки, чтобы к утру возвести новые – уже абсолютно обычные.

Семья Вань и Чэн по обыкновению возвели палатки рядом друг с другом и вместе смеялись и болтали за едой. Жаль только, что на следующий день с самого утра нужно было выполнять ритуал поклонения, а потому в эту ночь неприемлемо было пить вино и есть мясо, оставалось только взять несколько лепешек с овощами внутри, и у подножия горы в ручье выловить рыбу и креветок, сварив из них хорошую уху. Шаошан не знала, было ли это связано с ее восприятием, но она относилась к церемонии жертвоприношения как к формальности.

Перед рассветом Вань Сунбай и Чэн Ши, одевшись в официальные одежды, поспешили к императорскому шатру. Остальные члены семьи остались на месте, преклонив колени, кланяясь и молясь под звуки громких гонгов и барабанов, так вся первая половина дня прошла в суматохе, прежде чем все благополучно завершилось.

Должно быть причина была в анемии, потому что Шаошан, переев, почувствовала головокружение и находилась долгое время в шатре, и только, когда она вышла наружу,

увидела, что обстановка осталась прежней, а люди нет...

Вань Цици с Чэн Сунем отправились поучаствовать в соревнованиях по стрельбе из лука и верховой езде, которые организовал старый хоу Бань (он же учредил премию за первое место), Чэн Юн сначала хотел найти каких-нибудь одноклассников и порассуждать с ними на тему классических текстов, однако раньше неожиданно нагрянули дети семьи Инь, утащив его с собой, Чэн Шаогун хотел остаться в шатре и почитать книгу, но, привычно раскрыв книгу гаданий, он получил гексаграмму, обозначающую, что «в ранний час шэнь* не следует оставаться на одном месте», он почесал нос и понял, что ему только и оставалось выйти из шатра и шататься без дела.

*☰ shēnshí час шэнь (время с 3 до 5 часов дня)

Госпожа Сяо и госпожа Вань сели друг напротив друга и болтали о домашних делах. Чэн Ян, как обычно, послушно осталась рядом. Когда она увидела выходящую из шатра Шаошан, то сказала ей, что Лоу Яо приходил навестить ее, но когда он увидел ее отдыхающей, то не стал беспокоить, и его также утащил с собой второй брат Чэн.

Шаошан немного подумала и решила, что не стоит терять такое хорошее весеннее время, поэтому она, надев шляпу с вуалью, оседлала свою любимую маленькую гнедую лошадку и бесцельно поехала побродить в одиночестве. По пути встретила болтающих и смеющихся молодых девушек, гуляющих с учеными, и даже чуть не вспугнула несколько пар диких уток-мандаринок. Проходя мимо цветущих деревьев, она сорвала несколько веток с цветами и надела их на голову маленькой лошадке, покачала головой и подумала, что выглядит еще более глупо и мило, и это позабавило Шаошан.

Ей с детства не нравились людные места, и, самоуверенно повернувшись спиной к Тугаошань, она направилась в сторону холмов, кто бы мог подумать, но, проехав совсем немного, на берегу горной речки девушка увидела Юань Шэня с целой толпой молодежи, наряженной как ученые, они находились в беседке и под подогретое вино читали вслух, к счастью, она надела шляпу с вуалью, и никто не опознал ее, тогда Шаошан хлопнула по шее своей лошадки, развернув ее, и уехала.

Пока она ехала на коне, то размышляла, отчего она всегда так легко сталкивается с людьми, само собой, она всегда любила бегать по побережью, если бы она не предполагала встретиться с хорошо знакомыми людьми, то, возможно, ей следовало поменять мышление, и идти от обратного, например... Шаошан подняла голову и посмотрела вдаль, и вдруг увидела вдалеке среди холмов крохотный павильон – лесную пагоду.

Сердце Шаошан дрогнуло, она хотела увидеть, насколько велика была палатка императора и насколько величественны были шатры знати. К сожалению, у ее отца не было достаточного официального положения, поэтому она не могла подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть их, поэтому лучше было бы изучить их свысока.

Приняв решение в своем сердце, Шаошан быстро помчалась, подстегивая лошадь, пока не

оказалась в несколько десятках чжанов от пагоды, дорога вверх на холм была густо покрыта щебнем, путь проходил по отвесным кручам, и она, жалая нежные копыта своей маленькой лошадки, привязала ее сбоку в роще, а сама, придерживая юбку, стала взбираться в гору.

Холм издалека казался небольшим, но чтобы подняться на него, потребовалось немало усилий. Шаошан тяжело дышала после восхождения, прежде чем достигла подножия пагоды. Над входом на двери было вырезано два иероглифа «Яньхуэй», она толкнула дверь и вошла, одновременно крича: «Есть ли здесь кто-нибудь?». Прокричав во весь голос более десяти раз, Шаошан обнаружила, что ей никто не ответил, а потому в башне никого нет, поэтому она развернулась, закрыла дверь башни и осторожно вошла.

Это новая пагода, построенная жителями близлежащей деревни, которые объединили свои деньги для поклонения недавно появившимся богам. Хотя внутренняя отделка всей башни не очень тонкая и сложная, но дерево было крепким и новым, краска на тунговом масле блестела, и все было начищено до сияния, Шаошан преодолевала один ярус за другим, чтобы достигнуть верха, и так она преодолела все семь ярусов пагоды, поднявшись на самый верх.

Шаошан успокаивающе погладила яростно вздымающуюся грудь, тяжело дыша, глядя на знакомую маленькую каменную статую, возведенную на вершине башни, и не могла удержаться от смеха – это правда! Однако нынешняя каменная статуя все еще обладает некоторой первобытной свирепостью. После сотен или тысяч лет эволюции все изменится, став добродушным ликом Будды, пф!

Шаошан захотела открыть окно, чтобы осмотреться, но, подняв голову, обнаружила, что на крыше уже открыто слуховое окошко.

Прежде чем уйти с должности плохой девчонки, она была тем еще озорником, мастерски лазила по стенам и деревьям, ее можно было смело включать в топ-3 лучших в городке, потому она тут же, подвязав подол юбки, стала карабкаться по перилам и боковым стойкам. Ее нежное, но хорошо тренированное тело оказалось очень ловким.

Протиснувшись сквозь слуховое окно на крышу, где теплые весенние солнечные лучи залили ее всю с головы до ног, Шаошан удовлетворенно и глубоко вздохнула, ощутив приятную легкость по всему телу. Куда ни глянь, только и видно было у подножия Тугаошань, что толпы людей, маленьких подобно муравьям, лошадей и шатры, и внизу под яркими лучами солнца все переливалось всеми цветами радуги как картинки внутри калейдоскопа.

Это было такое манящее ощущение, что Шаошан легла на покатую крышу и, закрыв лицо рукавом, стала наслаждаться редкой минутой покоя в теплых солнечных лучах. Неожиданно она уснула, как только прилегла, а когда снова проснулась, то солнце было уже на западе.

Шаошан хлопнула себя по голове и воскликнула с досадой. Она вспомнила, что перед самым уходом госпожа Сяо проинструктировала ее, император сегодня вечером пригласил на банкет своих приближенных сановников, а императрица на свой банкет – семьи этих приближенных сановников, и ей настоятельно было рекомендовано быть ко второй четверти часа юши*, и

сейчас ей следовало поспешить и вернуться назад, и если к тому времени все уже рассядутся, то она пропала. Хотя это и был банкет для большого числа приближенных, но ее там не будет. Если какой-то внимательный человек заметит и сообщит об этом, это станет огромной проблемой.

*□□ yǒushí - время с 5 до 7 часов вечера

В это время часов не было, и Шаошан не знала, который сейчас час. Она быстро приподняла слуховое окно, удержав его, а затем плавно спустилась по прежнему пути. Прежде чем покинуть седьмой ярус, она даже почтила каменную статую поклоном, но неожиданно, только-только достигнув шестого этажа, смутно услышала голоса.

Эта пагода была выстроена в наиболее распространенной шестиугольной конструкции. За исключением седьмого яруса, который представлял собой небольшой чердак для поклонения каменным статуям, все шесть ярусов ниже имели одинаковый размер и форму. Небольшая половина шестиугольного плоского пола использовалась для доступа к лестнице, а оставшаяся площадь разделялась на две половины: одна половина – это флигель, а другая половина – плоская площадка, ведущая на террасу с перилами.

Шаошан была сбита с толку и все еще не могла разобраться в ситуации. Она взобралась на перила лестницы и внимательно прислушалась. Девушка услышала, как внутри разговаривают два человека, но слова не были ей понятны:

-...в этот раз наследник престола быстро справился с проблемой, за четыре часа ему растолковали предсказание и он вышел сухим из воды...

-...итак... неплохо... с таким характером как он может быть наследником престола... непригоден быть преемником, нужно срочно действовать!..

Спина Шаошан покрылась холодным потом, она схватилась за голову, подобный страх отличался от ранее испытанных, как будто кусок холодного чугуна оказался в ее груди, он был очень тяжелым, и весь воздух вытек наружу. Она не знала, как долго она была так заморожена, но сдержала неистовое желание закричать от страха и убежать, тихо и медленно отступила, надеясь вернуться на седьмой ярус, чтобы спрятаться там.

Откуда же ей было знать, что как только она приблизится к подоконнику, из-за ее головы протянется мощная белая ладонь. Шаошан чуть не завизжала, но из-за всех сил закрыла рот двумя руками, все же не издав ни звука – подняла голову и увидела перед собой на удивление хорошо знакомое прекрасное лицо!

Лин Буйи, опершись половиной тела на балку, увидев Шаошан внизу, по-видимому, также опешил и сразу же внезапно рассмеялся, он уже родился чрезвычайно красивым, а сейчас, спокойно и широко улыбаясь, он, казалось, заполнил собой все горы и кручи, и ничто не могло сравниться с его чарующим видом.

Шаошан была настолько ослеплена, что забыла о страхе и тупо улыбнулась в ответ.

В это время люди внутри наконец заметили движение снаружи. Один из них спросил глубоким голосом: «Кто там?». Затем он открыл дверь и вышел посмотреть.

Шаошан снова замерла от страха, казалось, что ее сердце застряло в горле. Лин Буйи на мгновение задумался, быстро спрыгнул вниз, протянул руки и схватил Шаошан, а затем, подняв её в воздух, вместе с ней выпрыгнул из башни!

На этот раз Шаошан не смогла сдержаться и захотела пронзительно завизжать, вот только испугавшись так, она неожиданно не смогла издать ни единого звука, ей только и оставалось безумно орать в глубине души – здесь ведь шестой ярус, эй! Шестой ярус! Ты ошибаешься, если думаешь, что снимаешься в фильме в жанре уся! Разве у тебя есть страховочный трос, а?!

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3766794>